

Ж. В. НИКОНОВА

(Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова)

РАЗВИТИЕ ТЕРМИНОСИСТЕМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПРАГМАТИКИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В условиях глобализации современная наука находится в постоянном развитии. Междисциплинарный характер многих исследований определяет высокий уровень динамики всех отраслей знания, включая лингвистику. Процессы интеграции затрагивают не только отдельные явления, рассматриваемые на пересечении различных теорий языка, но и терминосистемы многих концептуальных областей лингвистического знания в целом. Особенно это характерно для молодых и активно развивающихся наук, к которым, без сомнения, можно отнести лингвистическую прагматику.

Многие ключевые понятия и термины, формирующие понятийно-категориальный аппарат современной лингвистической прагматики, остаются до настоящего времени не до конца определенными в силу того, что их семантический объем подвергается изменениям ввиду различных глобализационных процессов.

Рассмотрим это на примере понятийной категории «иллокуция», которая является основополагающей для центральной теории лингвистической прагматики — теории речевых актов.

Общеизвестно, что теория речевых актов оформилась в отдельное направление прагмалингвистических исследований в середине XX в. Понятия «иллокуция», «иллокутивный» с самого начала становления лингвистической прагматики четко указывали на их отнесение к данной теории в рамках постулатов о внутренней структуре речевого акта, включающей в себя иллокутивный, перлокутивный и локутивный (пропозициональный) акты.

Термин «иллокуция» (от *lat. il-* ‘в’, *loqui* ‘говорить’, т. е. ‘действие, совершаемое посредством говорения’) ввел в практику исследований языка Дж. Остин, обращая внимание на центральную роль иллокутивной составляющей в общей структуре речевого акта и противопоставляя его актам референции и предикации. Впоследствии Дж. Сёрль писал, что основанием для такого разграничения служит

тот факт, что одно и то же пропозициональное содержание, являющееся результатом соответствующих актов референции и предикации, может быть выражено посредством различных по своему значению речевых актов [Searle 1969: 39]. В отличие от локутивного акта, в результате которого формируется пропозициональное содержание речевого акта, и перлокутивного акта, ориентированного на результаты речевого взаимодействия коммуникантов, иллокутивный акт заключается в осуществлении говорящим действия посредством речи (Дж. Остин, Дж. Сёрль, Д. Вандервекен, П. Грайс, А. Вежбицка и мн. др.).

Данное понимание иллокуции лежит в основе классического толкования данного понятия, фиксируемого научными терминологическими словарями конца XX — начала XXI в. Подобный пример находим, в частности, в немецкоязычных лексикографических изданиях того времени: „*Illokution (Sprechakttheorie): der Vollzug einer Sprechhandlung bestimmten Typs durch Äußerung eines Satzes*“ [Conrad 1988: 96].

Однако в последующем в лингвистической литературе наблюдается расширение понятийной сферы данного термина, обусловленное развитием деятельностного подхода в лингвистике и появлением многих общих и частных исследований зарубежных и отечественных исследователей иллокутивной составляющей речевого акта.

Деятельностный подход при рассмотрении фактов функционирования языка предполагает обращение к различным внешним и внутренним условиям акта коммуникации, влияющим на выбор говорящим языковых средств при реализации им речевого акта. Поэтому определяющей для вербальной репрезентации высказывания или (фрагмента) дискурса, выступающего вербальным коррелятом речевого акта, признается иллокутивная функция. Постулируется, что иллокуция является неотъемлемой частью любого речевого акта, определяя способ вербального воплощения (Ю. Д. Апресян, Н. Д. Арутюнова, Т. Баллмер, В. Бреннштуль, М. Бирвиш, В. В. Богданов, Д. Вандервекен, А. Вежбицка, З. Вендлер, Дж. Версурен, Т. ванн Дейк, Ф. Кифер, И. М. Кобозева, В. Мотч, Дж. Остин, Г. Г. Почепцов, Дж. Сёрль, Ф. Реканати, Ю. С. Степанов, Ж. Фоконье и др.).

В современной лингвистической литературе иллокуция как составляющая речевого акта наряду с его локуцией и перлокуцией (Дж. Остин, Дж. Сёрль и др.) обнаруживает широкий репрезентативный аспект. Она есть коммуникативная интенция речевого акта, отражающая интенциональное состояние говорящего (И. М. Кобозева, И. П. Сусов, В. Н. Василина и др.), иллокутивная функция, лежащая в основе формирования речевого акта и предстающая как использование высказывания для достижения определенной иллокутивной цели (Д. Вандервекен, Дж. Остин, Дж. Сёрль, Г. Г. Почепцов и др.), а также интенсивность проявления иллокутивной силы, которая обнаруживается в категоричности высказывания и в эмоциональной экспрессии и оценочности речевого акта (А. С. Стаценко,

В. А. Гамурар, С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривоносова, Т. Е. Янко и др.). Разноуровневые языковые средства, формирующие иллокутивное значение речевого акта, рассматриваются лингвистами в зависимости от их иллокутивной маркированности в речевом акте в рамках дихотомии «иллокутивная нейтральность» — «иллокутивность (иллокутивная маркированность)» (З. Ведлер, Дж. Версунен, В. Мотч, А. А. Романов и др.).

Таким образом, в семантический объем термина «иллокуция» языковедами включаются на современном этапе наряду с дифференциальным признаком «совершение речевого действия определенного типа посредством высказывания» и другие признаки, указывающие на обозначение различных аспектов иллокутивной семантики речевого произведения, выступающего вербальным коррелятом речевого акта. Однако наряду с термином «иллокуция» для их номинации учеными используются также термины «иллокутивный акт», «иллокутивная функция», «иллокутивная сила», «иллокутивная составляющая речевого акта».

Особого внимания в данной связи заслуживают исследования, в которых приводится детальный анализ понятийной сферы смежных терминов.

Например, по мнению А. Линке, терминологические единицы «иллокутивный акт», «иллокуция» и «иллокутивная функция» соотносятся с разными феноменами, имеющими место в процессе осуществления речевого акта. Их описание по Дж. Сёрлю дается исследователем в работе [Linke 2004: 213]:

	РЕЧЕВОЙ АКТ			
(Под)акты	Акт произнесения	Пропозиционный акт	Иллокутивный акт	Перлокутивный акт
Результат (под)акта	Высказывание	Пропозиция	Иллокуция	Перлокуция
Чем представлено	Звуки Слова Предложение	Суждение о мире	Функция	Цель/ целенаправленная реакция слушающего
Критерии описания	Грамматическая оформленность/ грамматическая неоформленность	Истинно/ Ложно	Осуществлена/ не осуществлена	Успешность/ неуспешность

В данной таблице наглядно представлено различие между понятиями «иллокутивный акт» и «иллокуция», которые соотносятся друг с другом как процесс и результат процесса осуществления речевого

действия с определенной иллокутивной силой и придания речевому произведению функциональной направленности. Иллокуция, будучи представленной как результат иллокутивного акта в иллокутивной функции речевого акта, включает и другие семантические компоненты, указывающие на различные аспекты иллокутивной силы, помимо иллокутивной цели, — интенсивность, искренность и пр. Термин «иллокутивная составляющая РА» оказывается в данной связи максимально емким по отношению ко всем приведенным понятиям. Семантическая сфера данной терминологической единицы включает компоненты, обозначающие как процесс формирования иллокутивного содержания речевого акта, так и результат его вербального выражения.

Особый взгляд на природу иллокуции развивается в последние десятилетия в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы в лингвистике, позволяющей по-новому взглянуть на язык в его деятельности и вскрыть функциональный потенциал единиц языка, репрезентирующих различные аспекты иллокутивной составляющей речевого акта.

Многими современными учеными подчеркивается, что иллокуция онтологически связана с когницией. Она является результатом иллокутивного акта в сознании говорящего, обеспечивающимся языковым фактором взаимодействия разноуровневых вербальных средств на функциональном уровне (М. Ариэль, А. Буркхардт, Р. Гётц, Дж. Грубер, Т. ванн Дейк, Й. Дёллинг, Н. Ден, Ф. Дёрге, Ф. Кифер, Л. Коэн, А. Кэшер, С. Крэмер, С. Левинсон, Ф. Лидтке, В. Мотч, Ф. Реканати, Дж. Фодор, Р. Хадсон, Г. Харрас и др.). Данный факт полностью согласуется с результатами исследований проблем порождения речи в психолингвистике (Н. Д. Арутюнова, Т. В. Ахутина, Л. С. Выготский, Н. И. Жинкин, А. А. Залевская, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, А. Н. Леонтьев, А. Р. Лурия и др.) и проблем языковых категорий как особого формата знания и их роли в организации и функционирования языка, концептуализации и категоризации окружающего мира и языковых единиц в когнитивной лингвистике (Н. Ден, Ч. Филлмор, Дж. Фодор, Дж. Грубер, Р. Лангакер, Дж. Лакофф, Н. Н. Болдырев, С. Д. Кацнельсон, Н. А. Кобрина, Г. В. Колшанский, Е. С. Кубрякова и др.).

Выход в концептуальную сферу носителей языка при выявлении и описании значения речевого акта является закономерным, поскольку традиционные лингвистические методы не дают ответа на вопросы о закономерностях языкового выражения акторечевого значения. Исследования в рамках теории речевых актов показали, что фактически мало оснований «отождествлять осмысленность языкового выражения с правильностью его употребления, понимание смысла — со знанием правил его употребления. Такая редукция делает необъяснимым как усвоение языка, так и его использование для обретения новой информации, возможность осмысленного

использования одних и тех же языковых средств в разных (новых) ситуациях и контекстах для выражения разных, в том числе несовместимых, представлений носителей языка о мире» [Павиленис 1986: 387]. Сначала при анализе речевого акта лингвистами обнаружилась необходимость выхода в контекст употребления языкового выражения (вербальный, физический, социальный, культурный, исторический и пр.), а затем, начиная с работ Дж. Сёрля, для основных типов РА были выявлены подготовительные условия ситуации взаимодействия, связанные с возможным намерением говорящего и способствующие распознаванию такого намерения. Чем дальше продвигался прагматический анализ языковых выражений, представляющий, казалось бы, прежде всего, интерес для лингвистики, тем очевиднее становилась неполнота такого анализа, вынуждавшая включать в процедуру анализа новые сферы. «К факторам, обуславливающим актуальный смысл высказывания (= иллокутивная функция + пропозициональное содержание), добавляются два чрезвычайно важных — знания коммуникантов о принципах общения и их «энциклопедические» знания» [Кобозева 1986: 19—20]. В этой связи современные лингвисты, как было показано выше, обращаются к понятию иллокутивных знаний.

Исследователями отмечается, что «наша вербальная способность базируется на способности восприятия — идентификации и различения объектов и состояний мира. <...> Язык может использоваться и используется для социализации «картин мира», содержащихся в индивидуальных концептуальных системах, для приближения их к «картине», разделяемой членами языкового сообщества и отвечающей их ориентационным и экзистенциальным (физическим, духовным, технологическим, этическим, эстетическим и др.) потребностям в мире. Благодаря этой, предоставляемой языком возможности перехода от индивидуального, субъективного, к intersубъективному и в этом смысле объективному (то есть к intersубъективно проводимым различиям, артикуляциям мира посредством общего кода) можно рассматривать усвоение правильного употребления языковых выражений как усвоение соответствующих различий (классификаций) в мире — как предпосылку социальной коммуникации носителей языка» [Павиленис 1986: 383—386].

В современной лингвистической прагматике при описании речевого акта во внимание принимаются «не только типичные схемы практической и коммуникативной деятельности, но и типичные схемы организации внутреннего мира говорящего. Мыслительные действия ведут к получению нового знания, тогда как речевая задача состоит в адекватном выражении способов, при помощи которых это новое знание получается. Если выявить элементы текста, коррелятивные мыслительным действиям говорящего, то можно получить специфическую порождающую модель текста, в основе которой будет лежать коммуникативно-когнитивное намерение автора [По-

ляк 1998: 40]. Устройство многообразных когнитивных структур и когнитивных процессов, как и других психологических механизмов человека, находит свое прямое отражение в иллокутивном аспекте речи, неотделимом от прагматических факторов.

Многими исследователями отмечается, что процесс формирования иллокутивной семантики речевого акта является ведущим в общем процессе речемыслительной деятельности человека. Особая роль отводится вербальной репрезентации речевого акта как конкретного акта субъективно-индивидуальной концептуализации особым концептуальным категориям в системе языка — категориям модусного типа [Болдырев 2005а; 2005б]. Как таковая речевая ситуация осознается субъектом речевого акта на основе имеющихся у него на данный момент энциклопедических и фоновых знаний, языковых и коммуникативных компетенций, мировоззренческих и личностных установок, психического и физического состояния. Это значит, что в сознании говорящего формируется когнитивная доминанта, представляющая собой совокупность концептуальных признаков отражаемой ситуации реальной действительности, вызывающих в памяти субъекта речевого акта соответствующий концепт типовой ситуации речевого общения. С точки зрения алгоритма их дискурсивной реализации, подобные концепты описываются лингвистами как культурные (этикетные) скрипты — кванты знания о нормативных предписаниях, определяющие выбор коммуникативного поведения в рамках определенной лингвокультуры и воплощенные в речевых формулах (А. Вежбицкая, В. И. Карасик и др.). Совершенно очевидно, что речевая ситуация, предполагающая, например, осуществление говорящим речевого акта приказа, имеет разные когнитивные признаки и предполагает разные нормы речевого поведения для представителей разных лингвокультур. Например, в то время как носитель русского языка чувствует себя вправе осуществить акт речи с иллокутивной функцией приказа в ситуациях довольно широкого спектра социально-статусных взаимоотношений коммуникантов, то для носителей немецкого языка спектр подобных ситуаций ограничен в основном социальным правом субъекта речевого акта. Нормы речевого поведения в ситуациях указанного типа для японцев еще жестче — приказывающий должен обладать, как правило, не только социальным, но и моральным правом для реализации речевого акта со значением приказа.

В свете последних достижений когнитивной прагматики формирование концепта речевого акта представляется как когнитивное событие, возможное при совпадении в сознании говорящего концептуальных признаков отражаемой речевой ситуации и активируемого в памяти образа типовой ситуации общения. При этом образ отражаемой ситуации сопоставляется говорящим с имеющимися в его памяти образами типичных ситуаций общения. Основные когнитивные признаки этих ситуаций, описанные в теории Дж. Сёрля как

конститутивные правила речевого акта и воспринимаемые субъектом речевой деятельности в совокупности с фоновыми знаниями об условиях их осуществления, «примеряются» им к условиям текущей коммуникативной ситуации. Их совпадение означает для говорящего возможность воспринимать отражаемую ситуацию как речевую, соотносимую с определенным спектром иллокуций. Такой вид знаний получил в современной лингвистике название «иллокутивных» (В. З. Демьянков, А. А. Романов и др.), находящихся в определенной взаимосвязи с другими разновидностями знаний.

Иллокутивные знания представляют собой такой вид информации о речевых произведениях, который указывает на знания о целях, достигаемых определенными речевыми и иллокутивными действиями, на знания о коммуникативно-социальных последствиях, связанных с реализацией речевых и иллокутивных действий, на знания, положенные в основу образования иллокутивных комплексов в тексте и формирования в нем иллокутивной доминанты [Романов 1986: 12—14]. Иллокутивные знания актуализируют языковые и энциклопедические знания в рамках той (глобальной или же типовой для конкретного акта общения) цели, которую собеседник стремится достичь при помощи своей коммуникативной деятельности. Поэтому можно считать, что каждая из составляющих комплекса интерактивных знаний реализуется (оформляется и конституируется) на фоне других разновидностей знаний. При этом любая из указанных разновидностей знания манифестируется определенным образом в структуре самого текста, построенного в результате коммуникативной деятельности собеседников для достижения глобальной цели. Единицей представления иллокутивных знаний в системе комплекса интерактивных знаний является иллокутивное действие, раскрывающее способ реализации коммуникативного намерения (способ воздействия) участника общения в конкретном речевом действии и реализующееся через его языковую сущность [Романов 2006].

Некоторые ученые считают, что знания об иллокутивных типах речевых актов и правилах их осуществления хранятся в языковом сознании носителей языка в виде «фреймов» (типовых ситуаций) или «сценариев» (делающих акцент на развитие ситуаций), которые позволяют адекватно использовать языковые средства для достижения типовых иллокутивных целей и правильно интерпретировать поведение, в том числе и речевое, других людей.

По Т. А. ван Дейку, производство и понимание речевого акта определенного иллокутивного типа возможно в том случае, если в сознании говорящего субъекта хранится соответствующая ситуационная (или эпизодическая — термин Т. А. ван Дейка) модель, опираясь на которую он строит свой словарь речевого акта данного иллокутивного типа [Дейк ван 1989]. Данная модель отражает в статичном представлении типовую ситуацию общения в определенной связной последовательности речевых действий коммуникантов,

направленных на достижение глобальной и частных иллокутивных целей.

Однако вопросы актуализации иллокутивных знаний в дискурсе и формирования коммуникативного смысла речевого акта остаются до настоящего времени открытыми.

В частности, Т. А. ван Дейк, представляя результаты когнитивного анализа семантики дискурса в виде иерархически организованной системы пропозиций, в которой сверху располагаются макропропозиции, оставляет открытым вопрос о том, как могла бы быть представлена репрезентация прагматического и интеракционального компонентов дискурса и какова их связь с пропозициями. Он считает, что здесь можно предполагать как существование комплексной репрезентации речевых действий, производимых говорящим, в которую включаются пропозиции высказываний, так и существование отдельных репрезентаций, системно связанных друг с другом в отдельных точках [Dijk 1984].

Следует подчеркнуть, что поиск адекватных методов для выявления и описания значений иллокуций микро- и макроречевых актов остается до настоящего времени одной из актуальных проблем лингвистической прагматики и когнитивной прагматики. Это неудивительно, поскольку формирование и вербализация коммуникативного смысла речевого акта характеризуются большим разнообразием механизмов когнитивной деятельности говорящего, что требует рассмотрения РА как вербального воплощения результата интегративной когнитивной деятельности говорящего на пересечении координат внешней и внутренней структуры акта коммуникации.

Осмысляя имеющийся в научной литературе опыт исследования онтологической природы иллокуции, обратим внимание на несколько основных моментов.

Во-первых, согласно конвенциональной природе речевого акта иллокутивная цель всегда открыта к распознаванию. По мнению З. Вендлера, иллокутивная цель речевого акта представляет собой ментальный акт, совершения которого добивается от слушающего говорящий [Вендлер 1985: 243]. Следовательно, для любого иллокутивного акта, независимо от его иллокутивной цели, истинными являются следующие прагматические правила:

— {Говорящий уверен, что иллокутивная цель его речевого акта открыта к распознаванию слушающим};

— {Говорящий уверен, что слушающий способен адекватно декодировать иллокутивную цель его речевого акта}.

Во-вторых, каждый иллокутивный акт характеризуется целевой установкой в соответствии с типом реализуемой в речевом акте иллокутивной силы (сил). В смысловой структуре речевого акта всегда присутствуют компоненты, которые указывают на вид/тип и характеристики реализуемой говорящим иллокутивной силы.

Вербальная репрезентация иллокутивной силы по отношению к некоторому пропозициональному содержанию осуществляется в речевом акте с опорой на иллокутивные знания коммуникантов и обеспечивается социокультурными, языковыми и речевыми конвенциями, действующими в той или иной лингвокультуре.

В-третьих, конвенциональность иллокутивного акта предполагает актуализацию иллокутивных знаний в языковом сознании коммуникантов в соответствии с тем или иным конвенциональным сценарием речевого общения, однако не отрицает индивидуального характера вербальной репрезентации иллокуции говорящим.

Однако, как следует из вышеизложенного, понятийная сфера ключевого для лингвистической прагматики термина «иллокуция» остается открытой для включения новых дифференциальных признаков, характеризующих онтологическую природу иллокутивной составляющей речевого акта.

Литература

- Болдырев 2005а — *Болдырев Н. Н.* Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: сб. науч. тр. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2005. С. 16—39.
- Болдырев 2005б — *Болдырев Н. Н.* Модусные категории в языке // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. статей к юбилею проф. Н. А. Кобриной. СПб.: Тригон, 2005. С. 31—46.
- Вендлер 1986 — *Вендлер З.* Иллокутивное самоубийство // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 238—250.
- Дейк ван 1989 — *Дейк Т. А. ван.* Язык. Познание. Коммуникация. М.: Прогресс, 1989.
- Кобозева 1986 — *Кобозева И. М.* «Теория речевых актов» как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 7—21.
- Павиленис 1986 — *Павиленис Р. И.* Понимание речи и философия языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 380—388.
- Поляк 1998 — *Поляк О. Е.* Когнитивная модель иллокутивной составляющей дискурсной аргументативной единицы: на материале рус. полит. дискурса: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.
- Романов 2006 — *Романов А. А.* Лингвистическая мозаика: Избранное. М.: ИЯ РАН: ТвГУ: ТГСХА: Агросфера, 2006. (Сер. «Динамическая модель диалога»).

- Conrad 1988 — *Conrad R.* Lexikon sprachwissenschaftlicher Termini. 2., unveränd. Aufl. Leipzig: Bibliogr. Inst., 1988.
- Dijk van 1984 — *Dijk T. A. van.* Prejudice in Discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1984.
- Linke 2004 — *Linke A., Nussbaumer M., Portmann P.* Studienbuch Linguistik. 5., erw. Aufl. Tübingen, 2004.
- Searle 1969 — *Searle John R.* Speech acts: An essay in the philosophy of language. Cambridge, 1969.

ZUSAMMENFASSUNG

Entwicklung des terminologischen Systems der linguistischen Pragmatik im Rahmen der Globalisierung

Im Beitrag wird gezeigt, wie sich das terminologische System der linguistischen Pragmatik im Laufe der Zeit unter den Bedingungen der Globalisierung entwickelt. Am Beispiel des Terminus „Illokution“ werden Prozesse veranschaulicht, die die Bedeutungserweiterung und Bedeutungsveränderung der Schlüsselbegriffe der linguistischen Pragmatik verursachen.